

Глава 1

Лос-Анджелес, Калифорния

1926

Такая суета из-за небольшого ожога! Немного мази, джинрики* — и завтра Мириэль будет в полном порядке. Но Чарли настоял на необходимости позвонить врачу. «Посмотри, какие волдыри», — сказал он. В детской плакал ребенок. У Мириэль стучало в висках. У нее не было сил на очередную ссору.

Доктор Кэрролл вправил Мириэль сломанную руку, когда ей было шесть лет. Трижды принимал у нее роды. Заботился о ней после... э-э... несчастного случая. Так что она хорошо умела считать выражение его лица. Войдя в большую комнату, доктор нацепил приветливую улыбку, поздоровался и спросил о ребенке. Задал вопрос о ее настроении, устремив на нее пронизательный взгляд.

Однако его мина, когда он осмотрел руку Мириэль, заставила женщину внутренне съежиться, словно ей опять шестнадцать и она затянута в корсет. Сначала он поджал губы, затем выпятил их, и его седеющие усы затопорщились еще больше. Морщинка между бровями стала глубже. Затем — медленно, продуманно — черты восстановились.

Мириэль отдернула руку. Она и раньше наблюдала на его лице подобные трансформации. Но сейчас у нее всего лишь небольшой ожог. Она точно не умирала.

— Пятно на тыльной стороне твоей ладони, — проговорил врач, — как долго оно там?

Она взглянула на бледный ареал у основания большого пальца. Какое, черт возьми, это имеет отношение к ее обожженному пальцу?

* Коктейль, изобретенный в начале XIX века. В составе: джин, содовая, сок лайма.

— Эта ерунда? Не уверена, что вспомню.

— А когда ты обожгла палец, завивая волосы, ты не почувствовала никакой боли, верно?

Она покачала головой. На самом деле, ее просто насторожил запах. Как от мяса на сковороде. Следовало позволить парикмахеру сделать ей перманент на прошлой неделе, когда она постигла волосы. Тогда Мириэль не пришлось бы возиться с утюжком. Или с доктором.

— Это просто ожог. Пустяк. Я подумала, что ты мог бы прописать мне какую-нибудь мазь. Может быть, немного виски, пока ты это делаешь?

Все то же серьезное выражение лица.

Она потянулась и похлопала его по руке.

— О, да ладно тебе. Это была шутка. Ты же знаешь, я терпеть не могу эту дешевую лекарственную дрянь.

Он выдал слабую улыбку, отряхивая рукав пиджака в том месте, где она прикоснулась к нему.

— Твой муж дома?

— Он убежал в студию. Радуйся, что не застал его. Чарли в плохом настроении с тех пор, как снялся в последнем фильме. Тот обозреватель в «Таймс», конечно...

— Мириэль. — В немигающем взгляде доктора сквозила нескрываемая тревога. — Я бы хотел, чтобы ты отправилась в окружную больницу.

— В больницу? Для чего?

— Там есть дерматолог, доктор Салливан. Я бы хотел, чтобы он взглянул на твою руку. Возможно, ваш водитель сможет...

— Конечно. — Ее внутренности сжались еще сильнее.

— Я бы отвез тебя сам, но... — Пристальный взгляд Кэрролла стал чуть испуганным.

— Я позвоню водителю, как только закончу с прической.

— Нет, лучше прямо сейчас. Я сообщу туда заранее, чтобы тебя ждали. — Он нерешительно похлопал ее по руке и заставил себя еще раз улыбнуться. — Возможно, мне следует назвать им вымышленное имя.

Мириэль чуть не рассмеялась. В отделе новостей должен был случиться ужасно скучный день, чтобы кого-то заинтересовало, что она попала в больницу из-за глупого маленького ожога. Но

все же, возможно, доктор Кэрролл прав. Последние несколько лет они с Чарли постоянно были пиццей для прессы. Она допила то, что оставалось в ее бокале, и взглянула на плакаты в рамках, развешанные по всей комнате. То были все кинофильмы ее мужа, от самого первого до последнего, который с треском провалился.

— Скажи им, что придет миссис Полин Марвин.

Обветшавшая окружная больница на Мишн-стрит жужжала, как кафешка в воскресное утро. Медсестры и санитары в накрахмаленной белой униформе сновали от кровати к кровати в огромной палате за приемной.

— Мири... э-э... Полин Марвин, — представилась она медсестре за стойкой. — Мне нужен какой-то врач. Кажется, Салливан? Он ждет меня.

Женщина, не поднимая глаз, махнула рукой в сторону переполненной зоны ожидания.

— Присаживайтесь.

Мириэль вцепилась в лачканы своего отороченного мехом пальто, обходя кашляющую и стонущую толпу. Дети ерзали на коленях у своих матерей. Фермеры ковыряли грязь под ногтями. Свободные от работы официантки, продавцы и телефонистки склонились над скандальными журналами. *«Кинозвезда отрицает пластическую операцию!»* — гласил один из заголовков. *«Трое мужчин танцуют чарльстон двадцать два часа подряд!»* — второй.

Она встала у дальней стены и взглянула на часы. Десять тридцать пять. Она подождет до десяти сорока и ни минутой дольше. Она и так потратила слишком много времени на этот глупый поход.

Вскоре к стойке приема подошла другая медсестра. Она что-то прошептала первой, которая испуганно подняла глаза и указала на Мириэль.

— Миссис Марвин, — позвала вторая медсестра, на лице которой было то же тревожное выражение, что и у доктора Кэрролла после осмотра ее руки. — Следуйте за мной, пожалуйста.

Она провела Мириэль по длинному коридору в заднюю часть здания, поднялась на три лестничных пролета и вошла в маленькую комнату с односпальной кроватью.

— Подождите здесь.

Она наполнила таз жидкостью и поставила его на шаткий металлический столик за дверью. Резкий запах ударил Мириэль в нос с другого конца комнаты.

— Что это, черт возьми, такое?

— Дезинфицирующее средство.

Вскоре после этого появился доктор Салливан и осмотрел ее руку, мельком взглянув на ожог, прежде чем сосредоточиться на тыльной стороне большого пальца.

— Как давно у вас это поражение? — поинтересовался он.

Поражение?! Мириэль вздрогнула от того, насколько отвратительно звучало это слово. Это вообще не было поражением, просто светлое пятнышко на коже.

Последовали новые вопросы. Появилось оно постепенно или внезапно? Заметила ли она другие подобные очаги на своем теле? Он велел ей раздеться и обошел вокруг. Она привыкла к тому, что мужчины смотрят на нее, но не на раздетую и не таким образом — губы поджаты, а глаза прищурены, как будто она была досадной словесной головоломкой в *Saturday Evening Post**. Поднимите правую руку. Поднимите левую руку. Сядьте. Вытяните ноги.

Она подчинялась, пока он не крикнул медсестре, чтобы та принесла скальпель и предметные стекла.

— Довольно! — Она потянулась за чулками и сорочкой. — Интересно, что вы собираетесь делать?

— Не одевайтесь! У вас есть и другие очаги. Один на спине, два на медиальной стороне бедра, один на вашей... э-э... *derrière***.

Мне нужны образцы для исследования под микроскопом.

Она вытянула шею, чтобы рассмотреть поврежденные места.

— Вы уверены, что это не просто плохое кровообращение?

— Стойте спокойно, — проговорил он вместо ответа. Врач провел скальпелем по небольшому светлому участку неправильной формы на коже ее бедра.

Мириэль ничего не почувствовала. Ни боли, ни дискомфорта. Даже ощущения щекотки. Если бы она не наблюдала, то вообще не заметила бы, что по ее телу водили лезвием. Салливан

* Американский журнал, выходящий шесть раз в год. Основан в 1821 году.

** Зад, ягодицы (*франц.*)

размазал взятые образцы по предметному стеклу, затем перешел к следующему месту.

— Это рак?

— Я бы предпочел не строить догадок. Но вам придется остаться здесь, пока мы не поставим окончательный диагноз.

— В больнице?

— Да, здесь, в изоляторе.

— Это невозможно. У меня дети. Десятимесячный ребенок, у которого режутся зубки.

Он передал стекла медсестре, затем закатал рукава рубашки и вымыл ладони и предплечья в тазу с дезинфицирующим средством, стоящим у двери.

— Для них будет лучше, если вы останетесь здесь.

Затем он закрыл дверь, заперев Мириэль внутри.

Утро сменилось днем, а день — вечером. От жажды во рту Мириэль было липко. Виски снова запульсировали. Дома она бы, по крайней мере, лежала на более мягкой кровати. Занавески заслоняли бы свет. А звук фонографа заглушал бы нежелательный шум. Она закрыла глаза, и гул, доносившийся из нижних палат, превратился в суету кухарки на кухне, голос ее дочери, возвращающейся из школы, лепет малышки в детской.

Мириэль встала с бугристой больничной койки и дернула дверную ручку. Затем постучала и позвала медсестру. Как, должно быть, волнуется Чарли! Пожалуй, доктор Кэрролл позвонил, чтобы успокоить его. Если повезет, Мириэль вернется домой как раз в тот момент, когда повар закончит готовить ужин. Она найдет Чарли в гостиной с бокалом в руке, отдыхающего после очередного долгого дня переговоров с мистером Шульбергом, чтобы тот снял его в другой картине, а девочки уже будут спать в своих постелях. Конечно, Чарли будет милым и приготовит ей выпить. Светлый лед, густая темная жидкость.

Но небо за маленьким немдытым больничным окном потемнело, а доктор все не возвращался. Крики чаек затихли. Пальмы и эвкалипты из зеленых превратились в синевато-фиолетовые, а затем в черные. Далеким указателем HOLLYWOODLAND превратился в тень на фоне исчезающих холмов. Она попыталась

открыть окно, чтобы избавиться от спертого воздуха в комнате, но створка была заколочена гвоздями.

Санитар принес ей завернутый в газетную бумагу сэндвич и бумажный стаканчик с водой, поставив то и другое на грязный пол прямо на входе в комнату, словно не осмеливался войти внутрь. Она крикнула ему вслед, но он ничего не знал ни о ее анализах, ни о том, когда появится доктор.

Несколько часов спустя Мириэль завернулась в пальто на узкой кровати и попыталась уснуть. Мысли о раке и оспе неистовствовали в ее голове. Что если она проснется утром с фурункулами, покрывающими ее кожу? Или выяснится, что опухоль пожирает ее изнутри? Она чувствовала себя прекрасно. Конечно, она устала. И, определенно, нуждается в стаканчике на ночь. Но она не больна. Мириэль повернула серебряный браслет вокруг запястья. Забавно, что теперь, когда смерть, возможно, близка, она обнаружила, что хочет жить.

Глава 2

Проснувшись на рассвете, Мириэль попыталась привести в порядок волосы. Никто не потрудился повесить в палате зеркало, как будто свежее лицо и аккуратная прическа были чем-то неважным. К счастью, на случай таких чрезвычайных ситуаций, у нее в сумочке лежала пудреница. Вода в раковине имела привкус ржавчины, но она наполнила бумажный стаканчик и сделала несколько глотков. Ее руки дрожали от желания выпить по-настоящему. С нижних этажей доносился шум — стук шагов, скрип инвалидных колясок, грохот каталок, а в комнатах вокруг нее было тихо. Она присела на край тонкого, как блин, матраса, в пальто, шляпе и перчатках — наготове. Каким бы ни был ее диагноз, она собиралась отправиться домой, как только его сообщат.

Когда ее дверь наконец открылась, на пороге появился ее муж в сопровождении медсестры, которая осталась снаружи.

— Чарли, слава Богу! Ты не поверишь, какая у меня была ночь. — Мириэль встала и натянула перчатки. — Я ни на секунду не сомкнула глаз. А эти медсестры, тупые как устрицы и такие же заурядные.

Он небрежно чмокнул ее в щеку.

— Успокойся, дорогая. Я уверен, что доктор все объяснит.

— Так ты ничего не знаешь?

— Я не смог вытянуть из парня, который звонил, больше нескольких фраз. Только то, что ты здесь в ожидании какого-то теста или чего-то еще, и утром первым делом я должен приехать сюда.

Он бросил газету, которую держал под мышкой, на кровать, и они сели рядом. Матрас прогнулся под их весом. Под ухом Чарли засохло пятно крема для бритья. Она вытерла его.

— Хелен не спала?

Он покачал головой.

— Выла, как банши*, до полуночи. Заснула только, когда няня наконец дала ей пососать тряпочку, пропитанную бренди.

— А Эви?

— Отправилась в школу, когда я уходил. — Чарли окинул взглядом маленькую комнату, скривил губу и поморщился. — Какое отвратительное место! Почему Док отправил тебя сюда? *California Lutheran* куда лучше. — Он вытащил носовой платок и вытер уголки рта. Чарли делал это всякий раз, когда терял терпение. — И ближе к студии.

— Уверена, что он не заботился о твоём удобстве. И не обращай на меня внимания. Прошлой ночью мне всего лишь пришлось спать в *этом месте*.

— У меня встреча с мистером Шульбергом в десять часов. — Он вытащил карманные часы и, взглянув на время, отполировал стеклянный циферблат о пальто. — Ровно в десять.

Каркас кровати закричал. Пациент в палате внизу кричал, требуя свое судно. Медсестра, которая проводила Чарли в палату, плеснула свежее дезинфицирующее средство в миску у двери.

— Сегодня вечером мы приглашены на званый ужин к Глисонам, не забудь, — напомнил Чарли.

— Разве ты не можешь отказаться? Мне кажется, я не буду готова к этому. Не после подобного испытанья.

— Мы уже отказались в прошлый раз, помнишь? Кроме того, у него есть сценарий, на который я хочу взглянуть.

Мириэль вздохнула. Миссис Глисон была первоклассной занудой. Мысль о том, чтобы провести вечер в ее заплесневелой гостиной с искусственным паштетом и разбавленным джином, вновь разожгла вчерашнюю головную боль.

— Когда он предложит, выбери короткую сигару, хорошо? Я не хочу сидеть там всю ночь, пытаясь придумать, что сказать, пока вы, мужчины, дымите.

Чарли снова вытащил часы.

— Скажите, сестра? — позвал он.

Никакого ответа.

* В ирландском фольклоре разновидность фей, предвещающих смерть. Издают пронзительные вопли, в которых будто бы «сливаются крики диких гусей, рыдания ребенка и волчий вой».

Вторая жизнь Мириэль Уэст

— Это все из-за ожога? — спросил он жену.

— И этого. — Она показала ему участок бледной кожи на тыльной стороне ладони.

Чарли снял перчатки. Он провел большим пальцем по этому месту, спускаясь вниз, вдоль тонкого шрама, скрытого под ее серебряным браслетом. Затем поднес ее руку поближе и осмотрел ожог.

— Ты же... э-э... сделала это не нарочно, не так ли?

Мириэль отдернула руку.

— Конечно, нет.

Оба замолчали. Чарли взял газету, пробежал глазами первую страницу, затем открыл спортивный раздел. Мириэль было все равно, какая лошадь выиграла в «Эксельсиоре»* или как первокурсники Калифорнийского университета выступили на последних соревнованиях по легкой атлетике. Вместо этого ее взгляд скользнул к окну. Но безоблачное голубое небо напомнило ей о лете. О пикниках на пляже, вечеринках на лужайке и детях, плещущихся в бассейне. Плескались до изнеможения. Она снова оглядела темную комнату и скрестила руки на груди, чтобы унять дрожь.

— Здесь, в больнице, есть прокаженный, — неожиданно произнес Чарли спустя некоторое время.

— Прокаженный? Это просто смешно. Такие люди существуют только в кино.

Он ткнул в страницу и широко раскрыл ее, чтобы показать Мириэль. *«Женщина, страдающая проказой, поступила в окружающую больницу»*, — гласил заголовок.

— Пишут, что она здесь, пока они не смогут организовать транспортировку в какой-то дом для прокаженных в Луизиане.

— Боже милостивый, — простонала Мириэль. — Известно ее имя?

— Миссис Мартин, я полагаю. Мы знаем каких-нибудь Мартинов?

— Нет, не думаю... — Она выхватила газету у Чарли и просмотрела статью. Не Мартин. Марвин. Некая миссис Полин Марвин. Мириэль похолодела. Она уронила газету. Страницы разлетелись в разные стороны, приземлившись ей на колени и рассыпавшись по полу. — Чарли, это я.

* Скачки чистокровных лошадей в США.

Глава 3

Они попрощались в больнице. Для Чарли было слишком рискованно оказаться замеченным с ней на вокзале. Медсестра провела ее вниз по пустой лестнице, через черный ход, и когда Мириэль потянулась к перилам, бросила:

— Ничего не трогайте!

Снаружи ранний утренний воздух опустился холодным и насыщенным туманом. Под тонким шелком платья все тело Мириэль покрылось гусиной кожей. Но, по крайней мере, она вышла из карантинной камеры. Чарли ждал в переулке рядом в своем блестящем родстере, сиденье которого было завалено сундуками и шляпными коробками, словно они улетали в какой-то восхитительный отпуск. Это делало реальность еще более горькой.

Он наспех поцеловал ее в щеку, затем отпрянул, оказавшись вне досягаемости. Это была та дистанция, которую ее бабушка назвала бы целомудренной. Но Мириэль не какая-нибудь краснеющая дебютантка, а он — не застенчивый мальчишка. Они никогда не были такими — краснеющими и застенчивыми. И когда за десять лет их брака они оказались так болезненно далеки друг от друга? Ей хотелось обвинить болезнь — болезнь, которой у нее не было, что бы ни говорили врачи, — но тут она вспомнила, как несколько месяцев назад сидела рядом с ним на передней скамье церкви на панихиде. Их колени соприкоснулись, едва ощутимо, но она отпрянула, как от незнакомца. Возможно, это было началом.

Она уловила запах дыма, витающий в тяжелом воздухе, и увидела в конце переулочка санитар с сигаретой, наблюдающего за ними. Чарли тоже заметил его и надвинул шляпу пониже, чтобы скрыть лицо. Больница и ее вспомогательные здания теснились вокруг них, пряча их в тени начинающегося рассвета. Но скоро взойдет солнце, и любой, кто выглянет в окно, обнаружит их.

Чарли посмотрел на часы и прочистил горло. Они уже обсудили детали ее отъезда — какое оправдание он придумает для семьи и друзей, куда она может тайно посылать ему письма, какие из ее шляп, платьев и туфель ей понадобятся для путешествия. Что еще оставалось сказать?

— А девочки? — спросила она наконец. Несмотря на предостережение доктора, в глубине души она жалела, что муж не взял дочерей с собой. Она бы не стала прикасаться к ним, только посылала бы воздушные поцелуи и попрощалась. Последний взгляд, чтобы запечатлеть их лица в своей памяти.

— Они с няней, — проговорил он, одергивая манжету пиджака и снова украдкой поглядывая на часы. — Эви скучает по тебе. Хелен тоже, я уверен.

Каждая частичка ее тела откликнулась болью, когда Мириэль услышала эти имена. С тех пор как произошел несчастный случай, она много месяцев не кормила Хелен грудью, но теперь даже ее соски покалывало от боли. Возможно, к лучшему, что он не взял их с собой.

— Конечно, не помешало бы выпить.

Чарли нахмурился, но достал из внутреннего кармана своего костюма фляжку и, быстро оглядевшись, передал ее Мириэль. На карнизах над ними гнездились голуби. В ближайших мусорных баках шуршали крысы. Санитар продолжал курить свою сигарету. Они были практически одни.

Она отвинтила крышку и сделала большой глоток. Это была хорошая выпивка, контрабандой привезенная из Канады, и огонь, который она зажгла в пустом желудке Мириэль, стал желанным спасением. Еще глоток, и достаточно скоро ее боль притушится.

Она вернула открытую фляжку Чарли. Он поднес ее было к губам, но передумал и не стал пить, просто закрыл колпачок и сунул фляжку обратно в карман, неувидимо поморщившись.

— Ничего себе! Я не больна. Эти врачи просто клоуны!

— Я знаю, — ответил он, вытирая перчатки о брюки.

Вот вам и отличный актер!

Неподалеку заурчал оживший мотор, и мгновение спустя появилась машина скорой помощи.

Мириэль внутренне съжилась. Она сделала шаг к мужу. К чести Чарли, тот не отшатнулся. Внезапно ей захотелось ска-

зять ему миллион вещей. *«Я люблю тебя. Мне жаль. Я знаю, что это была моя вина»*. Но слова остались у нее на языке, испорченные привкусом выпивки. Наконец она заговорила:

— Помоги санитарам с моим багажом, хорошо? Я бы не хотела, чтобы они что-нибудь сломали.

Ее усадили в заднюю часть машины, как только была загружена последняя сумка. Она прижала руку в перчатке к окну и одними губами произнесла *«до свидания»*. Чарли тоже одними губами что-то пробормотал в ответ, но она не смогла разобрать.

Слезы навернулись ей на глаза, она отвернулась и не оглядывалась, пока машина скорой помощи везла ее над рекой к Центральному вокзалу. Вывеска HOLLYWOODLAND и далекие холмы отражали разгорающееся сияние восходящего солнца. Они миновали Маленький Токио и зияющую площадку, где должно было начаться строительство новой ратуши. Чарли гордился тем, что это будет самое высокое здание во всей Калифорнии, однако в то время ей было все равно. Теперь мысль о том, что в ее отсутствие город изменится, заставляла алкоголь бурлить у нее в животе. Или, возможно, это был многослойный запах пота, рвоты и дезинфицирующего средства, который прилип к стенкам кабины. Как бы то ни было, ей не о чем беспокоиться. Немного удачи, и она вернется до того, как здесь начнут закладывать фундамент.

Послышалось сопение поезда, пронзительный гудок паровоза, и в поле зрения появился Центральный вокзал. Машина скорой помощи проехала мимо депо и выехала на рельсы, сотрясая Мириэль, точно солонку. Они остановились рядом с открытым товарным вагоном. Санитар вышел и стал выкидывать ее багаж на землю, в небрежную кучу.

— Эй! — запротестовала Мириэль, самостоятельно выбираясь из кабины, когда стало ясно, что никто не предложит ей помощь. — Осторожнее! — Она направилась к санитару, стараясь, чтобы грязь не попала на ее туфли из телячьей кожи. — Мне понадобится взять кое-что с собой в мое купе. Это и... вон то. — Она указала на кожаный и шелковый саквояжи, все еще стоявшие в машине.

Мужчина хмыкнул и бросил сумки поверх остальных. Он вытер руки тряпкой, затем величественным жестом указал на открытый товарный вагон.

Вторая жизнь Мириэль Уэст

— Ваше купе ждет вас, мадам.

Мириэль обернулась и заглянула в то, что она приняла за багажный вагон. Свет проникал только в часть помещения, оставляя остальное в тени. Несколько пустых ящиков и деревянная бочка — вот и все, что она смогла разглядеть.

— Должно быть, здесь какая-то ошибка, — пробормотала она, поворачиваясь к санитару. Но тот уже забирался обратно в машину скорой помощи. Она помахала рукой, чтобы привлечь его внимание. — Прошу прощения!..

В ответ поднялось облако пыли, и машина скрылась из виду. Какая наглость! Она стряхнула пыль со своего платья. Очевидно, этот бездельник не в состоянии оценить крепдешиновый шелк.

— Поторопитесь эм, и позаботьтесь о своем багаже, — раздался голос у нее за спиной.

Мириэль развернулась к поезду. Полная пожилая женщина в белой униформе медсестры подошла к краю товарного вагона и, прищурившись, посмотрела на нее сквозь толстые стекла очков.

— Мы отправляемся через пять минут.

Мириэль снова посмотрела мимо женщины в вагон. Там не было ни мягких скамеек, ни полированных карточных столов, ни отдельных спальных мест. Там вообще не было мест, чтобы сесть.

— Я боюсь, что произошла ошибка. Я должна...

— О боже, вы не прокаженная из окружной больницы?!

— Ну да, я из окружной больницы, но я не... мой диагноз еще не подтвердился. Я всего лишь...

Медсестра облегченно улыбнулась.

— Никакой ошибки. Лучше поднимите свои вещи на борт.

— Вы же не хотите, чтобы всю дорогу до Луизианы я ехала, как оборванка.

Медсестра склонила голову набок, как будто путешествие через всю страну в грязном товарном вагоне было совершенно естественным процессом.

— Это нелепо! — возмутилась Мириэль. — Кто здесь главный?

— Ну, я полагаю, что в данном случае железнодорожная полиция. Мне привести их?

Мириэль пристально посмотрела на женщину. Взошедшее солнце залило светом железнодорожную станцию. С соседней платформ, едва видимой между вагонами, доносились голоса.

Рабочие что-то загружали и разгружали. Чем дальше она стоит здесь, тем больше шансов, что кто-нибудь ее узнает.

Начав со шляпных коробок и дорожных сумок, Мириэль погрузила свой багаж в товарный вагон, поставив его прямо у двери. Она рассчитывала пробыть в Луизиане всего несколько дней — в конце концов, сколько времени может потребоваться, чтобы уточнить ее диагноз? — поэтому велела Чарли собрать только самое необходимое. Дюжина или около того дневных платьев и туфли в тон. Несколько хлопчатобумажных теннисных платьев и одно или два вечерних платья. Одно из ее твидовых пальто и шерстяной свитер на случай, если климат Луизианы окажется неблагоприятным. Рыжая шубка из беличьего меха просто для надежности. Кроме того, подтяжки для бюста и лифчики, пояса и нижние юбки, чулки и сорочки. Двадцать или около того пар чулок и атласное кимоно. Шляпы, сумки, палантины, шарфы. И потом, конечно, предметы с ее туалетного столика: холодный крем, отбеливающий крем, крем под пудру, крем для бровей, тальк, туалетная вода, духи, жидкость для завивки волос, румяна, губная помада и пудра для лица.

На самом деле у нее были достаточно скромные запросы. Но, перетаскивая к вагону один из трех чемоданов, она подумала, что, возможно, смогла бы обойтись без зонтика, шапочки для верховой езды и десяти комплектов шелковой пижамы. Раздался гудок поезда, поторапливая Мириэль. Она попыталась поднять чемодан, чтобы положить его в вагон, но ей удалось оторвать его от земли всего на несколько дюймов, прежде чем ручка выскользнула у нее из рук.

— Позвольте мне помочь вам, сеньора.

— Спасибо, я... — Она подняла глаза и увидела мужчину, предложившего помощь. Пожилой, с темно-коричневой кожей и седящими черными волосами. Темные глаза без бровей смотрели с одутловатого, покрытого глубокими морщинами лица. Когда он протянул руку и взялся за ручку ее сундука, она разглядела жуткие шишки, покрывающие его предплечье.

Мириэль отпрянула назад и подавила крик ладонью. Это был карантинный вагон. Мужчина был... прокаженным. Сколько еще их там внутри, прячущихся в тени?

Мужчина спрыгнул вниз и схватил оставшиеся чемоданы, затащив их наверх, прежде чем Мириэль смогла прийти в себя

Вторая жизнь Мириэль Уэст

настолько, чтобы запротестовать. Это было так, как если бы она переживала сцену из Бен-Гура. Она читала эту книгу еще девочкой, и только в прошлом месяце Чарли потащил ее в кинотеатр, посмотреть фильм мистера Нибло*. Вагон поезда напоминал ужасную темницу, где были заперты и чахли в течение долгих лет мать и сестра Бен-Гура. Их волосы поседел. Их ногти оторвались от плоти. Их кожа была покрыта чешуей, а губы и веки — изъедены болезнью. Неужели именно это ждет ее в Луизиане?!

Она попятилась. Ее каблук зацепился за рельсы, и она упала.

Мексиканец подошел к ней и протянул руку. Мириэль покачала головой, но он все равно схватил ее за предплечье и поднял.

— Здесь некуда бежать, сеньора, — прошептал он ей.

Бежать? О чем он говорил? Она проследила за его нервным взглядом, окинувшим переполненный двор. Вокруг толпилось по меньшей мере полдюжины железнодорожных полицейских.

— Но я не...

Снова раздался гудок их поезда. Мужчина забрался обратно в вагон. Он коснулся рукава ее пальто, когда помогал ей подняться. Теперь она была покрыта микробами. Весь вагон поезда, должно быть, кишит ими. Может быть, ей все-таки *стоит* сбежать.

Еще один взгляд по сторонам, и стало казаться, что полицейские приближаются. Если бы она устроила сцену, кто-нибудь наверняка узнал бы ее. В конечном итоге их с Чарли имена снова появятся во всех газетах и городских сплетнях. Неважно, что у нее не было этой болезни. Эти тупоголовые журналисты никогда не позволяют правде встать на пути хорошей сенсации.

Колеса поезда закрипели, и он тронулся с места. Оглянувшись на Лос-Анджелес, Мириэль поспешила к вагону, ухватилась за железный поручень и забралась внутрь.

* Американский актёр и режиссёр. В 1927 году стал одним из 36 членов-основателей Академии кинематографических искусств и наук.